

УДК 94(470); 930 (85)

DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-49-62

Ольга Агеева

Ништадтский мир и имперский статус России

Аннотация. Начало XVIII в. ознаменовалось для России затяжной войной со Швецией, которая длилась 21 год и была завершена с подписанием мира в Ништадте 30 августа 1721 г. В статье рассматриваются торжества, посвященные празднованию победы в Северной войне и поднесению царю Петру I титула Императора Всероссийского и званий Отца Отечества и Великого. Прослеживается история международного признания русских правителей императорами и имперского статуса российского государства, которое потребовало дипломатических усилий и заняло несколько десятилетий. Отмечается, что в ней ясно проявились взгляды эпохи на императорский статус. На первом плане находилось место страны в политической иерархии Европы, другие же характеристики имперского типа государства значимыми не представлялись.

Ключевые слова: Россия, Ништадтский мир, провозглашение России империей, императорский титул, имперский статус.

Начало XVIII в. ознаменовалось для России затяжной войной со Швецией, которая длилась 21 год и была успешно завершена подписанием мира в Ништадте 30 августа 1721 г. Оценивая политический итог Северной войны, современник тех событий, голштинский дипломат Г.Ф. Бассевич отметил, что мир, заключенный в Ништадте, не только прекратил военное соперничество России и Швеции, но и «должен был определить форму и значение русской монархии в Европе» [Бассевич, стб. 85].

Характеристику этим «форме и значению» уже в XIX в. блистательно дал замечательный русский историк С.М. Соловьев. Главным следствием Северной войны, писал он, стало то, что «Швеция потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия; но этим не ограничилось значение великого события. Занявшая место Швеции держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общей европейской жизни, держава, приносившая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая... держава славянская, держава, принадлежащая к восточной церкви... естественная защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями» [Соловьев, кн. IX, т. 17, с. 305–306].

Сведения об авторе: Агеева Ольга Гениевна — главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук; ageeva_og@mail.ru.

Однако в России 1721 г. вряд ли сразу поняли все величие случившегося. В Петербурге шла насыщенная делами повседневная жизнь. Планы Петра I по переустройству России требовали дальнейших усилий, преобразования продолжались, готовился поход на Восток. В честь долгожданного благополучного окончания Северной войны готовилось грандиозное торжество в новой столице Петербурге, а затем в Москве. Когда в конце сентября было получено известие о ратификации шведской стороной договора о мире, царь назначил дату празднования — 22 октября. К этому дню в Петербург съехались высшие военные и гражданские чины, прибыли части 23 полков армии-победительницы, к Петропавловской крепости и Троицкой площади перед нею подошли по Неве 125 галер Балтийского флота. Местом главного действия стал Троицкий собор, расположенный напротив крепости. Утром в присутствии царской фамилии, высших чинов и дипломатического корпуса в храме прошла торжественная литургия, после чего была зачитана ратификационная грамота о мире и архиепископ псковский Феофан Прокопович произнес проповедь в честь окончания войны. Завершали его речь слова о «великих делах» царя, особенно во время «войны со шведской короной», благодаря которым Петру «по достоинству иметь подобает» «имя Отца Отечества, Императора и Великого».

Эта концовка не была случайной. Сразу после слова иерарха состоялась необычная церемония. Ее сутью было «поднесение» царю Петру I титула Императора Всероссийского и званий Отца Отечества и Великого. Сопровождался акт тройным пушечным и ружейным салютом из крепости, с галер и от стоявших в параде войск.

На этом утренняя, церковная часть торжеств была закончена, и во второй половине дня началась светская. В Здании мазанковых коллегий, находившихся на той же Троицкой площади, было объявлено о повышении в чинах отличившихся в период войны лиц и прошел праздничный пир с участием примерно 1000 человек, во время которого под пушечную пальбу произносились многочисленные тосты. После трапезы был устроен бал, а в завершение вечера сожжен грандиозный фейерверк с декорацией в виде храма двуликого Януса. Во время многочасовой огненной потехи в знак мира закрывались ворота войны и два рыцаря, изображавшие Россию и Швецию, подавали друг другу руки. На Троицкой площади тем временем шло угощение народа жареным быком и бившим из двух фонтанов красным и белым вином. В последующие дни по иллюминированному в темное время суток городу ездили маски.

Зимой торжество было перенесено в Москву. 18 января состоялся торжественный въезд императора в украшенную триумфальными арками первопрестольную столицу. Главным увеселением празднества стал уличный маскарад. В течение нескольких дней по улицам Москвы ездили группы различных масок на 60 санях, запряженных лошадьми, медведями, свиньями и иными животными. Маскарадные костюмы участников поезда являли собой лиц разных наций и профессий: испанок, голландок, немецких курфюрстов, гамбургских бургомистров, пастушек, боцманов, барабанщиков и т. д. Члены всешутейшего собора были одеты в свои обычные костюмы католических священнослужителей — кардиналов, аббатисы, а также Бахуса, Нептуна и др. Сам Петр I в роли

корабельщика и командора умело маневрировал на линейном корабле с пушками [См.: Акт поднесения... Берхгольц, ч. 1, с. 225–232; ч. 2, с. 313–325; Зелов, с. 103, 109, 117–120; Шубинский, с. 32–35]. Открывал московское торжество великолепный фейерверк, также с храмом Януса и угощением народа жареными быками и вином и водкой, завершал его пуск множества ракет.

Между тем в памяти русского общества из всех этих событий остался прежде всего акт поднесения Петру I титула императора. Так как в ту эпоху ранг страны был персонафицирован в титуле монарха, то именно с этой церемонии начался в общественном сознании отсчет имперского петербургского периода в истории России, то есть в этот день Российское царство (Московия) официально превратилось в Российскую империю. Таким образом, акт в Троицком соборе, знаменуя собой победу в затяжной войне со Швецией, действительно показал новый реальный военно-политический вес России в Европе и продемонстрировал амбиции нового игрока на европейской сцене.

Чтобы дать правильную оценку этому символическому действию, следует перенестись в ту эпоху и понять, как относились к происходящему люди начала XVIII в. и чем они руководствовались. Свет на эти вопросы проливают источники, которые позволяют увидеть, кто и как готовил акт 22 октября 1721 г.

Протоколы заседаний Святейшего Синода свидетельствуют, что вопрос о поднесении царю императорского титула был поставлен не светской, а церковной властью. Это произошло 18 октября 1721 г., за четыре дня до объявленной заранее даты торжеств. В этот день члены Синода на своем заседании, рассмотрев «секретно» «труды» царского величества в связи с «вечным миром» с «короною Свейскою», решили «изобрести» что-либо «приличное» для монарха от лица его подданных. Тогда один из вице-президентов Синода предложил «молить царя» принять «титул Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского». На тот момент в Синоде было два вице-президента — архиепископ новгородский Феодосий Яновский и архиепископ псковский Феофан Прокопович. Следовательно, один из них и являлся автором идеи поднесения титула императора Петру I.

Однако только церковная власть, без власти светской, решить вопрос смены титула монарха и страны не могла. Поэтому 19 октября архиепископ Феофан Прокопович «секретно» сообщил о предложении Синода Правительствующему Сенату. Затем 20, 21 и утром 22 октября прошли совместные заседания Сената и Синода в аудиенц-камере Здания мазанковых коллегий, то есть в парадном тронном зале петровского Петербурга [Протоколы заседаний... т. 1, Прил. XLII, с. CCCCLII–CCCCLIII].

По данным печатной реляции о поднесении императорского титула от 1 ноября 1721 г., от имени Сената и Синода 20 октября к Петру I «с письменным прошением» (приговором Сената) был отправлен А.Д. Меншиков, затем с царем вели разговоры другие сенаторы, архиепископы Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Переговоры с монархом оказались, действительно, необходимы, так как первая реакция Пет-

ра на инициативу соратников была отрицательной. Царь «долго отрекался» принять титул, приводил свои «резоны», но затем, вняв доводам сенаторов и архиереев, дал согласие [ПСЗ-1, т. 6, № 3840, с. 444–445; приговор Сената см.: Филиппов, с. 50–52].

Из протоколов заседаний Синода следует, что очень тщательно разрабатывались детали церемонии, редактировался текст речи-обращения к монарху, проект которой составил П.П. Шафиров. (Всего имеются от Синода и отдельно от Сената три варианта речи с правкой: речь, сочиненная П.П. Шафировым с поправками от Сената, или сенатская; архиерейская, от Синода; синодская, исправленная Феодосием Яновским. Существенное отличие имела речь от Синода — в ней было зафиксировано возгласие «Виват Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский!»)¹. При подготовке церемонии возникли разногласия о том, кто будет подносить титул. Еще 21 октября, накануне торжества, было решено, что главным действующим лицом, произносящим речь-прошение, станет Феодосий Яновский, то есть представитель церкви. Однако на другой день в роли «просителя» от народа выступил сенатор, глава Коллегии иностранных дел, канцлер граф Г.И. Головкин, то есть власть светская. Вероятно, этот вопрос решался в последний момент перед выходом в собор.

Таким образом, поднесение Петру I императорского титула готовили в течение четырех дней 19 высших должностных лиц России. Это были восемь членов Синода и синодальный обер-секретарь, восемь членов и обер-секретарь Сената и сам царь Петр I². Рязанский митрополит Стефан Яворский, президент Святейшего Синода, в заседаниях, решавших вопрос о титуле, не участвовал.

Церемония поднесения императорского титула была самой простой. Новой коронации имперской короной и совершения миропомазания Петра I, то есть придания ему дополнительной святости, не было. Кстати, до конца своего правления Петр так и не обзавелся новой имперской короной, хотя успел ее учредить для своей супруги Екатерины Алексеевны при ее имперской коронации в 1724 г. [Амелехина, с. 22–24]

1 Речь, какова... его императорскому величеству... от господина канцлера графа Головкина говорена в 22 день октября 1721 году. СПб. 1721; То же // Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725 г. М.;Л. 1955. № 618; То же // Там же. № 619; Реляция, что прежде и при отправлении... в день октября сего 1721 году торжества о заключении с короною швецкою вечного мира явилось // Там же. № 625; То же // Там же. № 632; Речь, которая публично... говорена вице-президентом Св. Синода архиепископом новгородским Феодосием... // Там же. № 655.

2 Члены Святейшего Синода: вице-президенты Феодосий Яновский и Феофан Прокопович, члены Синода архимандриты московского Симонова и Новоспасского монастырей Петр и Ерофей, костромского Ипатьевского Гавриил, иерей Анастасий Кондоиди, протопопы петербургских Троицкого и Петропавловского соборов Иоанн и Петр, обер-секретарь Синода иеромонах Варлаам Овсянников. Члены Правительствующего Сената: князь А.Д. Меншиков, вице-канцлер П.П. Шафиров, канцлер граф Г.И. Головкин, князь Д.К. Кантемир, князь Г.Ф. Долгоруков, П.А. Толстой, князь Д.М. Голицын, граф А.А. Матвеев и обер-секретарь Сената И.Д. Поздняков. И, наконец, царь Петр I.

Церемония в Троицком соборе «при народном собрании» состояла из обращенной к Петру I речи «одной от всех персоной» — канцлера графа Г.И. Головкина, который вместе с членами Сената и Синода «предстоял» перед царем. Эта речь включала знаменитые слова о том, что подданные царя его «неусыпными трудами», «славными и мужественными воинскими и политическими делами» «из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество просвещенных народов присовокуплены». В завершении обращения Г.И. Головкин «в знак признания... всему нашему Отечеству показанных благодеяний» молил монарха принять именем всего Всероссийского государства и всех чинов народа титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского.

Затем последовала ответная речь монарха всего с тремя тезисами-положениями. Сообщив, что он благодарит верных подданных и «то приемлет» по их прошению, Петр призвал благодарить за достигнутый мир Бога, затем стал говорить о необходимости, несмотря на получение «славного и полезного» мира, «содержать в добром порядке» «военную экзерцицию», то есть поддерживать обороноспособность страны (при этом царь ссылался на печальный пример Греции); и в заключение советовал начатые в государстве «распорядки» «в совершенство привести» и получить выгоды от «отворения» купечества с чужестранными землями; указал он и цель этих действий — чтобы народ иметь мог «облегчение».

Речь монарха означала согласие на принятие титула императора и почетных званий. По ее окончании все присутствующие трижды, под пушечный и беглый ружейный огонь, возгласили «виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!». Этот церемониальный элемент являлся обычной частью и русских, и европейских коронаций, как и последовавший далее молебен с коленапреклонением, отслуженный президентом Синода, митрополитом Стефаном Яворским. Завершил молебен второй пушечный и ружейный салют. При выходе из собора, под третью пальбу пушек и ружей, толпа вновь кричала Петру «виват!». В завершение церемонии знатные особы, а затем дипломаты поздравляли Екатерину Алексеевну и ее дочерей как Ее Величество Императрицу и имперских принцесс [ПСЗ–I, т. 6, № 3840, с. 444–446].

Следствием церемонии 22 октября стала замена указами титулатуры лиц высочайшей фамилии. Вместо «Великий Государь, Царь, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец» стало «Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский», вместо «Государыня Царица и Великая Княгиня» — «Ее Величество Императрица» и т.д. Откорректирована была и государственная символика: в гербе на месте царской короны над двуглавым орлом теперь красовалась корона имперская (два полушария с дугой по центру), в регалиях были заменены на новые корона, коронационное платье, введен государственный меч и др. Изменились церемониалы государственных торжеств, и прежде всего коронаций¹.

1 [Указ] О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах от 11 ноября 1721 г. // ПСЗ–I. Т. 6. № 3869. С. 467; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178.

Несмотря на непродолжительность подготовки и краткость церемониала объявления русского царя императором, а России империей, эта декларация нового высшего государственного статуса страны имела глубокий фундамент. Ништадтский мир стал лишь поводом для решения давно назревшей внешнеполитической проблемы.

Чтобы объяснить действия русских властей, необходимо понять, как оценивали статус русских правителей за пределами России до 1721 г. и какими вообще были представления о титулатуре монархов в ту эпоху. В XVII–XVIII вв. в Европе (по общему мнению, не зафиксированному юридически международными договорами) высшую политическую номинацию имела Священная Римская империя. Далее шли королевства Франция, Испания, Англия и другие, за ними — Венецианская республика, немецкие и итальянские княжества и т.д. Титулатура и дипломатический этикет точно фиксировали эту исторически сложившуюся внутриевропейскую иерархию. Ее нарушение вызывало конфликты и трения [См.: Левашов]. Доминирование внутриевропейских политических традиций сказалось в том, что государи таких превратившихся в огромные колониальные державы стран, как Англия и Франция, императорских титулов не принимали (только в XIX в. английская королева Виктория с одобрения парламента приняла титул императрицы Индии). При этом государства вне Европы могли именоваться империями — например, мусульманская Оттоманская Порта и богдыханский Китай, — но это не затрагивало взглядов на политическое устройство самого европейского сообщества. Что касается других признаков империи — огромной территории, полиэтничности, поликонфессиональности, характера внешней политики (агрессивной или мирной, так как Священная Римская империя часто выступала посредником при заключении мирных договоров), то они были вторичны. Статус государства, зафиксированный в титуле монарха, был прежде всего показателем места в общей политической иерархии Запада.

Что касается ранга России в Европе XVI–XVII вв., то он был неустойчив. Постоянные русские миссии стали появляться только во второй половине XVII в. в приграничных странах — Польше и Швеции. Обычные дипломатические отношения московских государей с европейскими странами поддерживались разовыми посольствами, направляемыми с какой-либо конкретной целью. Это давало возможность указывать в грамотах разные титулы правителей России. Великих князей Московских, а затем царей в дипломатических документах именовали князьями, великими князьями, королями (*rex*), а также цесарями, кайзерами и императорами. Последние титулы уже в XVI–XVII вв. писали в своих грамотах правители Священной Римской империи, Англии, Голландии, Дании и других стран. Представители европейской интеллектуальной элиты, например картографы, в печатных изданиях и своей переписке присваивали имперский титул русским государям с XVI ст. Примером такого рода является карта Московии Антони Дженкинсона 1562 г., на которой царь Иван Васильевич назван «великим императором России, князем Московским» («*Magnus Imperator Russie, Dux Moscovie*») [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 5, 91, 173, 211 и др.; Карта Московии]. С этого времени именуют русских царей императорами и представители европейской научной элиты; например, знаменитый фламандский картограф Г. Меркатор в письмах 1580 г. к английскому географу

Р. Гаклюйту называет русского монарха «le grand emperior de Moscovie»¹. В целом же Европа к концу XVII в. приравнивала царский титул русских монархов к королевскому.

С этой ситуацией неопределенности столкнулся и Петр I. Во время Великого посольства западная сторона обращалась к нему по-разному, в том числе и как к императору. К примеру, так неоднократно именовали русского монарха в Великобритании в 1698 г. Пристально наблюдая за столь вольным использованием титула, принадлежащего своему сюзерену, австрийский резидент Гофман счел нужным сообщить в Вену, что русского царя все «называют здесь императором России» [См.: Андреев, с. 81]. Императором могли именовать Петра I и выходцы из Западной Европы, находившиеся на царской службе и жившие в России. Например, только так — «Mon Impereur!» — обращался к царю в многочисленных письмах и проектах блистательный французский архитектор Ж.Б.А. Леблон, работавший в Петербурге в конце 1710-х годов [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696]. Однако далеко не все страны воспринимали спокойно такую титулатурную вольность.

На рубеже XVII — XVIII вв. Россия завела постоянные посольства в большинстве крупных государств Европы и в Стамбуле. Это предполагало использование четко зафиксированного ранга русского монарха при проведении ставших регулярными аудиенций и в официальной переписке. А так как взгляд на Россию из Европы и представление русских о своем месте в Европе не совпадали, то вопрос о титуле приобрел оттенок конфликтности. Для русской стороны термин «царь» уже был равен термину «цесарь», являвшемуся синонимом слова «император». Примеры этого многочисленны, но приведем лишь один. В словаре «Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках» И. Копиевского, изданном в 1718 г., слова «Imperator, Coesar, Augustus» переводились как «кесарь, царь», а «rex» — как «король» [Копиевский, с. 88].

Этого традиционного взгляда на царский титул придерживался и сам Петр, который полагал, что русский монарх является цесарем и преемником византийских императоров еще со времен Древнерусского государства. В собственноручной записке о русском гербе, датируемой примерно 1712–1718 гг., он писал, что князь Владимир (Владимир I Святославич) «Расийскую свою империю» разделил между 12 сыновьями, и что в XVI в. царь Иван Васильевич «орла за герб империи Росиской принял», когда монархию «утвердил и короновался» [Белавенец, с. 68–69].

В соответствии с этими воззрениями уже в первые десятилетия XVIII в. Петр предпринял ряд шагов по утверждению своего императорского титула. В 1700-х годах он начал присваивать своим подданным титулы графа и князя, что было прерогативой императора (первым российским графом в 1706 г. стал Б.П. Шереметев, первым князем в 1707 г. — А.Д. Меншиков). В июле 1709 г. царь дал главам Посольской канцелярии наименования государственного канцлера и вице-канцлера. Как отметил один из за-

1 О переписке Г. Меркатора с Р. Гаклюйтом см.: Чарыков Н. /Предисловие/ // Космография 1670. СПб. 1878–1881. С. 6.

падных дипломатов, «царские министры» через эти «имперские титулы» рассчитывали пользоваться большим почетом и уважением. Произошло это после Полтавского сражения, которое стало своеобразным рубежом в активизации действий русской дипломатии. «...как в России, так и за границей, — писал датский посланник Ю. Юль, — находятся люди, которые (искали) — и в особенности теперь... — ищут — понравиться царскому двору императорским титулом, побуждая в то же время царя добиться от всех коронованных особ Европы (признания за ним) этого титула» [Юль, с. 137]. Своеобразным обращением к имперской атрибутике было присвоение в 1711 г. высшему судебному органу петровской России наименования Сената.

В 1710 г. во время извинительной аудиенции в Кремле, призванной загладить арест в Лондоне русского посланника графа А.А. Матвеева, английский посол Ч. Уитворт именовал Петра имперским величеством (*Keizerlige*), и вице-канцлер П.П. Шафиров показывал иностранным дипломатам копию речи посла с этим обращением. Остро реагируя на это, Ю. Юль заметил в своих записках, что высокомерие русских возросло до такой степени, что они стремятся переделать слово «царь» в «*Keiser*» или «*Caeser*» [Юль, с. 132, 135].

Наконец, в 1718 г. в архивах была найдена и напечатана по указу Петра I (значительным тиражом в 310 экземпляров, на русском и немецком языках) грамота 1514 г. императора Максимилиана I. В ней глава Священной Римской империи неоднократно именовал великого князя Василия III «Божиею милостию Цесарем и обладателем Всероссийским и Великим Князем». Это позволило указать в предисловии к публикации, что цесарское «высокое достоинство за толко уже лет всероссийским монархам надлежит». Грамоту по приказу царя показывали иностранным дипломатам, которые, как ганноверский резидент Х.Ф. Вебер, могли ее копировать [Грамота Максимилиана I... с. 1–5; Пекарский, т. 2, № 338, с. 429; Быкова, Гуревич, № 298; Вебер, стб. 1652]. Опубликованный документ был вручен и венскому двору. Там отрицали подлинность грамоты, сообщали, что не нашли подтверждения ей в своих архивах [Нелипович, с. 9]. Между тем прецедент именования главой Священной Римской империи русского монарха императором мог быть юридическим основанием для признания титула другими европейскими странами.

Таким образом, уже до 1721 г. русская сторона демонстрировала желание утвердить императорский титул за русскими правителями, в связи с чем возникла напряженная ситуация. Упомянутый выше датский посланник Ю. Юль, представитель страны-союзника России в войне со Швецией, в своем дневнике привел целое лингвистическое исследование, доказывающее, что русский царь не является цесарем, и что слово «царь» следует уравнивать со словом «*rex*» — король [Юль, с. 135–137]. В силу этого противостояния акт поднесения титула императора 22 октября 1721 г. создал ситуацию, позволившую русской стороне на новой основе требовать признания высшего политического имперского достоинства для русского монарха и его страны.

Через день после церемонии в Троицком соборе, 24 октября, в Коллегии иностранных дел состоялся совет, на котором было принято решение разослать по всем русским

миссиям за границей рескрипт о заключенном в Ништадте мире и новом титуле русского монарха. Находящимся при иностранных дворах русским представителям вменялось в обязанность содействовать всеми возможными способами признанию титула. На следующий день члены коллегии доложили Петру I о принятом решении и содержании рескрипта. По указанию царя 26 октября документ был отправлен в заграничные посольства. Так началась борьба русской дипломатии за высшую имперскую номинацию России, продлившаяся четыре десятка лет [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11; Агеева *Европеизация...* с. 142–143].

Как оказалось, не представляло особой сложности получить титул от небольших государств — княжеств и республик. Уже в октябре 1721 г., при поздравлении императорской фамилии, признал императорский ранг русского монарха герцог голштинский. В мае 1722 г., «известясь» о принятии титула императора Петром I, отправила ему поздравительную грамоту Женевская республика [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 221]. Имперский статус, принятый Петром I, также признали Венецианская республика, герцоги пармский, брауншвейгский, гессен-кассельский и другие.

Иначе обстояло дело с крупными государствами Европы. У большинства из них известие вызвало внешне спокойное неприятие. Естественно, многие смотрели на Вену. А там на аудиенции у императора Карла VI русский резидент Л. Ланчинский, зачитывая предписанную ему в указе о титуле речь «гораздо вслух от слова до слова», «примечал тем же временем, какую мину Его Величество показать изволит». Однако «ничего переменного» дипломат не усмотрел, «Его Величество, по своему обычаю, изволил стоять при столе неподвижно, и мою речь спокойно выслушал, и потом изволил мне ответить, но толь невнятно и толь скоро, что я ни слова, ни в какую силу не выразумел». Обращение за разъяснением позиции Вены к имперскому вице-канцлеру ничего не дало, так как тот извинялся, что «не имел времени говорить с Цесарем», другие министры отмалчивались. В разговорах же министров между собой, как выяснил Ланчинский, единства не было; кто-то полагал, что при признании титула первенство все равно останется за Римским императором, кто-то опасался, что пойдет цепная реакция — императорский титул потребует английский, а потом и другие короли, и тем самым отличие Римской империи будет уничтожено, и т.д. Некоторую ясность в позицию Вены внесли две грамоты от императора Карла VI к Петру I конца 1721 г., в них был прописан старый титул [Соловьев, с. 312–313]. В Австрии, во Франции, Дании и ряде других ведущих стран дело признания нового титула было отложено на будущее.

В свете этого примечательно, что при жизни Петра I титул признали Пруссия, Голландия и Швеция. В случае с Пруссией, имевшей особые отношения с Россией, сказался принцип взаимности. При провозглашении Прусского королевства в 1700–1701 гг. русский царь одним из первых поздравил бранденбургского курфюрста с принятием королевского звания. Действуя аналогичным образом, король Фридрих Вильгельм I уже в 1721 г. заявил о признании цесарского достоинства Петра Великого и в декабре отправил в Россию поздравительную грамоту. В январе прусская сторона получила от русского двора заверение (реверс) о сохранении после признания титула прежнего

равенства церемониалов. По желанию русской стороны в мае 1722 г. в Бранденбурге состоялась приватная аудиенция русского посла графа А.Г. Головкина у прусского короля, на которой была подана грамота об императорском титуле, а затем в ответ получено письменное официальное поздравление с новым титулом [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 79-83 об.; Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 27–28, 44–45].

Голландия, после внутренних споров между штатами, сообщила, что не находит трудностей в признании нового наименования русского монарха. После этого 24 апреля 1722 г. в дом русского посла Б.И. Куракина прибыла депутация от семи провинций-штатов, которая объявила резолюцию о признании императорского титула. Затем в мае в России состоялась аудиенция голландского резидента Девильде с объявлением о согласии дать русскому монарху имперское достоинство, и от Голландских Штатов Петру I была направлена грамота с императорским титулом. В ней содержалась просьба заплатить за пять голландских кораблей, сожженных на Балтике под Гельсингфорсом во время военных действий 1713 г. [Агеева Императорский титул... с. 56–60; Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 195–199]

Швеция признала титул монарха-победителя после длительных переговоров, в ходе которых дважды, в июне и октябре 1723 г., получила от российского посланника в Швеции М. Бестужева реверс о сохранении равенства церемониалов. После этого, в декабре, шведский министр барон Цедеркрейц был допущен на аудиенцию к Петру I с поздравительной грамотой о принятии царем имперского титула. В дальнейшем, однако, оказалось, что дело признания императорского титула русских монархов на этом закончено не было. Спустя несколько лет шведская сторона отказалась давать титул вступившему на русский трон молодому Петру II. Для урегулирования этого вопроса 4 июля 1729 г. вновь была дана и 10 августа ратифицирована декларация-реверс о сохранении равенства церемониалов. В третий раз вопрос о признании Швецией высшего ранга русских монархов встал в 1730 г., после вступления на престол племянницы Петра Великого Анны Иоанновны. 5 мая русским посланником в Стокгольме графом Н. Головиным шведской стороне вновь давался реверс, ратифицированный 30 июня. После этого в Стокгольм «на раздачу разным персонам» была переведена сумма в 10 тысяч рублей, которая и позволила окончательно решить вопрос о признании титула не только Анны Иоанновны, но и ее преемников [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 222–223, 226–227].

В правление этой императрицы, занявшей активную позицию в деле утверждения за Россией звания империи, были сделаны и другие важные шаги. В 1732 г. титул высшей политической номинации признало за Анной Иоанновной и ее преемниками Датское королевство. Предваряло это событие заключение в мае в Копенгагене трактата о дружбе двух стран, после чего в августе состоялся обмен декларациями о признании императорского титула ее величества. Наконец, 7 сентября в Петербурге на аудиенции датский министр барон Вестфален объявил о его официальном признании датским королем Христианом VI [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 267–268, 269].

В Польше признание императорского титула России оказалось напрямую связано с выборами нового короля. После смерти в январе 1733 г. Августа II в июле того же года был заключен трактат о возведении на престол сына умершего короля, саксонского курфюрста Фридриха Августа. В одном из пунктов оговаривалось признание будущим королем имперского достоинства русской монархини и его содействие в таковом признании Польской республикой. В сентябре Фридрих Август стал польским королем с именем Августа III [Бантыш-Каменский, ч. 3, с. 230–232].

Характер отношений с Великобританией позволил подойти к решению титулатурного вопроса только в 1740-е годы. При императоре Иоанне VI Антоновиче 3 апреля 1741 г. был заключен трактат о мире, дружбе и оборонительном союзе, имевший 2-й сепаратный артикул о том, что английский двор склоняется давать российскому государю и его потомкам титул императора. Совершившая в ноябре того же года переворот Елизавета Петровна не признала уже ратифицированный обеими сторонами трактат, равно как и все другие договоры, постановления и указы принца Иоанна. В итоге 11 декабря 1742 г. оборонительный союзный трактат с Великобританией был возобновлен в Санкт-Петербурге, и в его 2-м сепаратном артикуле было прописано признание императорского титула дочери Петра Великого и ее наследников. В январе 1743 г. документ был ратифицирован английским королем Георгом II [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 143–144].

В правление младенца Иоанна VI Антоновича, в ноябре 1741 г., о намерении признать его императорский титул сообщил король Неаполя и Сицилии Карл VII. В ответ он получил изъявление благодарности. Но после «дворцовой революции» 25 ноября 1741 г. дело остановилось. В правление Елизаветы Петровны ее имперский титул впервые был указан в грамоте неаполитанского короля, датированной 25 февраля 1744 г. Это послание было ответом на сентябрьское 1743 г. послание русской императрицы, извещавшее об успешном окончании войны России со Швецией [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 230].

Елизавета Петровна в целом завершила борьбу за признание России империей. Она постановила не принимать от иноземных дворов посланий без полного императорского титула. В силу этого запрета грамоты, не имеющие соответствующей формы, возвращались иностранным дипломатам, а они сами, прибыв в Россию с верительными грамотами без нужного титула, не допускались до приемной аудиенции. Этот метод, с учетом политических интересов различных стран в союзнических и иных отношениях с Россией, постепенно дал свои плоды.

При Елизавете Петровне в 1742 г. титул признали дочь императора Карла VI, венгеро-богемская королева Мария-Терезия, и ее супруг герцог Тосканский, будущий император Франц I. Признанию сопутствовало сложное положение венского двора [См.: Анисимов, с. 35–36]. 13 (24) января 1742 г. герцог проиграл выборы императора ставленнику Франции курфюрсту баварскому, который вступил на имперский престол с именем Карла VII. Спустя две недели Мария-Терезия отправила Елизавете Петров-

не грамоту с императорским титулом, а летом того же года (8 июля), получив реверс о церемониале, повелела своему министру, маркизу Ботте д'Адорно, прекратить споры о титуле [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 62–63]. Таким образом, внешние обстоятельства заставили венский двор, который два десятилетия отказывался именовать императорами русских монархов, изменить свою позицию.

4 января 1744 г. имперское достоинство правителей России признал и римский император Карл VII. Свою роль в этом сыграл отказ принимать его грамоты и не допускать на аудиенцию прибывшего в Петербург в 1742 г. полномочного министра барона Нейгауза. 16 месяцев барон не получал аккредитации из-за споров о титуле. И только после переписки со своим двором и получения 3 января 1744 г. от двора российского реверса о сохранении прежних церемониалов, на следующий день был допущен на аудиенцию к Елизавете Петровне. На ней представитель Римской империи подал грамоту с требуемым титулом государыни [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 63–64].

После неожиданной смерти в январе 1745 г. императора Карла VII на избирательную коллегию курфюрстов во Франкфурт-на-Майне, где новым императором с именем Франца I был избран супруг эрцгерцогини австрийской Марии-Терезии, а затем к имперскому собранию в Регенсбург был отправлен русский дипломат, полномочный министр граф Кейзерлинг. Благодаря его усилиям в том же году титул русских императоров был признан всеми курфюрстами, князьями, городами и чинами Священной Римской империи [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 65–66].

Одной из последних признала имперский статус России королевская Франция. 16 февраля 1745 г. в Петербурге на приемной аудиенции подал грамоту с полным императорским титулом французский полномочный министр д'Альён (грамота была подписана 1 августа 1744 г.). Целью дипломатической деятельности представителей Франции в Петербурге в это время было заключение союза с Россией или предотвращение направления ею войск против Франции. Цель достигнута не была, так как в 1747 г. русский корпус был направлен на помощь союзникам, воюющим с Францией [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 105–106]. Что касается признания имперского титула, то оно сомнению уже не подвергалось.

Испания признала титул в 1759 г., когда скончался король Фердинанд VI. Тогда престол в Мадриде занял новый король — Карл III, ранее правивший в Неаполе. Императорский титул Елизаветы Петровны был дан им в известительной грамоте о кончине брата и своем вступлении на престол. После того, как при дворах Мадрида и Петербурга были взаимно восстановлены дипломатические миссии, прибывший в Петербург испанский полномочный министр маркиз д'Альмодавар подтвердил признание России империей на своей приемной аудиенции. Через день после нее, 25 августа 1761 г., посланнику был дан реверс о церемониалах [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 170].

Активно действуя в Европе, Елизавета Петровна продолжила старания своих предшественников в деле утверждения за Россией высшего государственного ранга на

Востоке. Так, ею было завершено признание императорского титула русских монархов Оттоманской Портой, которое начала еще Анна Иоанновна. Согласие на титул Османская империя первоначально дала при заключении Белградского мирного договора 18 сентября 1739 г. В 12-м артикуле договора было прописано, что об императорском титуле русской государыни будет достигнуто соглашение «без дальнего отложения времени и дружеским трактованием». Однако затем появились «затруднения», и вопрос заново был оговорен в конвенции (артикул 1-й), заключенной в Константинополе уже при императоре Иоанне VI Антоновиче 26 августа 1741 г. Так как Елизавета Петровна денонсировала все договоры принца Иоанна, то при ней договоренность была подтверждена в новой, «возобновительной» конвенции от 30 марта 1747 г.

Таким образом, признание правителей России императорами, а самой страны — империей, после поднесения Петру I имперского титула в 1721 г. потребовало больших дипломатических усилий и заняло почти четыре десятилетия. При этом ясно проступили взгляды эпохи на императорский статус. В них на первом плане находилось место страны в политической иерархии Европы, другие же характеристики имперского типа государства значимыми не представлялись. Очевидно и то, что признание нового титула, как и согласование вопросов дипломатического этикета, вызывавших подчас острые конфликты, были менее значимы, чем политические, военные и экономические проблемы государств. В силу этого признание высшей политической номинации России часто оборачивалось политическим торгом и завершалось успехом вследствие желания иметь добрые отношения с Петербургом, заключить с ним военный союз, выгодный торговый или мирный договор.

Литература

- Агеева О.Г. Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М. 2006.
- Агеева О.Г. Императорский титул России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского // Россия — Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург 7–9 июня 2013 г. СПб. 2014. С. 56–60.
- Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества 22 октября 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. [ПСЗ–I]. СПб. 1830. Т.6. № 3840.
- Амелехина С.А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля. М. 2016.
- Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л. 1947.
- Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны). М. 2012.
- Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): В 4 ч. М. 1894–1902.
- Бассевич Г.Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М. 1866.
- Белавенец П.И. Изменение Российского государственного герба в имперский период // Вестник имп. Общества ревнителей истории. Пг. 1915. Вып. 2. С. 68–69.
- Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М. 2000.

- Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г. М.; Л. 1955.
- Вебер Х.Ф.* Записки о России // Русский архив. 1872. № 9.
- Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. СПб. 1718.
- Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М. 2019.
- Карта Московии А. Дженкинсона 1562 г. // Борисовская Н.А. Карты и планы XV–XVII вв. М. 1992.
- Копиевский И.* Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках. СПб. 1718.
- Левашов П.А.* О первенстве и председательстве европейских государей, их послов и министров. СПб. 1792.
- Нелипович С.Г.* Союз двух орлов: русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М. 2010.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб. 1862.
- Протоколы заседаний Святейшего Синода, особенно и общего с Сенатом, о поднесении царю Петру Алексеевичу титула Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб. 1868. Т. 1: 1542–1721.
- РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11.
- РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 79–83 об.
- РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178.
- РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М. 1993. Кн. IX. Т. 17.
- Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711–1741 гг.). СПб. 1911.
- Шубинский С.Н.* Московский маскарад 1722 года // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М. 1995.
- Юль Ю.* Записки датского посланника при дворе Петра Великого // Лавры Полтавы. М. 2001.